

Мюррей Букчин Призрак Анархо-синдикализма

Одной из самых непоколебимых человеческих слабостей является тенденция отдельных лиц и групп возвращаться к временам ужасно фрагментированной реальности, к устаревшим, даже архаичным идеологиям для ощущения целостности и безопасности. Сегодня мы видим это не только у правых, которые вызывают духов нацизма и смертельные формы национализма, приведённый в боевую готовность, но и у "левых" (что бы это слово больше ни значило), многие из которых вызывают своих собственных духов, будь то культ богини-матери (времен неолитической эпохи), которой поклоняются многие феминистские и экологические секты или вообще антицивилизационное окружение молодых людей из среднего класса по всему англоговорящему миру.

К сожалению, ретроспективные тенденции отнюдь не отсутствуют среди самозванных анархистов, некоторые из которых обратились к мистическим, часто явно примитивистским идеям, перемешанных с различными идеями экотеологии и поклонения богине-матери. Другие же слепо приняли вечные истины анархо-синдикализма, хотя ему как исторической силе пришёл конец ещё в Испанской Гражданской Войне в 1936-1939 годах. Теперь доступно достаточное количество критической литературы об экотеологии, чтобы серьёзные люди смогли изгнать тех духов из феминизма и экологизма. Но анархо-синдикализм, одно из самых закрытых сегодня либертарных направлений, по-прежнему вызывает большую симпатию благодаря своим корням в некогда повстанческом рабочем движении.

То, что я считаю тревожащим такое большое количество анархо-синдикалистской литературы, является тенденция утверждать, что анархо-синдикализм - это альфа и омега "истинного" анархизма, в отличие от других либертарных направлений, которые дают более широкое представление о социальной борьбе, чем те, которые в значительной степени сосредоточены на традиционных конфликтах между наёмным трудом и капиталом. Конечно, не все анархо-синдикалисты бы восприняли, скажем, эко-анархизм или общинный анархизм, который связан с конфедерацией деревень, посёлков и городов, но степень догматизма и отсталости сохраняется среди рабоче-ориентированных анархистов, которых вряд ли вообще следует относить к либертарным левым.

Следует рассказать о Гельмуте Рюдигере, который как теоретик анархо-синдикализма в 1949 году написал, что синдикализм - "единственная идеология, которая может установить связь анархических идей с рабочими, то есть, с большей частью населения" [*der großen Menge der Bevölkerung*], что похоже на злую шутку в мире 1990-х годов (Рюдигер, "Прудон, синдикализм и анархизм", 1949 г.). По крайней мере, автор был так широко востребован и, будучи редактором шведского синдикалистского еженедельника *Arbetaren*, он написал это в 1949 году, когда ещё было неизвестно, что пролетариат перестал быть "главным" революционным классом, которым он был лет десять назад. Рюдигер был также готов расширить сферу анархо-синдикалистской идеологии путём введения некоторых из самых социально-ориентированных взглядов Прудона в свои идеи. Но в беседах с современными анархо-синдикалистами мне всё чаще попадаются подобные утверждения от тех, кто считает, что синдикализм или "рабочий контроль" промышленности является синонимом анархизма. Многие анархо-синдикалисты, кажется, рассматривают любые либертарные идеи, которые бросают вызов даже "гегемонии" синдикализма в его различных мутациях, как правило, анархо-синдикалистского характера, "антипролетарскими", "антиклассовыми", а также распространяющимся культурным "отклонением" от их собственного основополагающего анархистского анализа классового конфликта в капиталистическом обществе.

Тот пролетариат, который когда-то сплотился под знамёнами Испанской Национальной Конфедерации Труда (НКТ) и ранней Французской Всеобщей Конфедерации Труда (ВКТ), изменил свой очевидный характер, структуру и перспективы за прошлое столетие; сегодняшний капитализм - уже не тот капитализм, который появился несколько поколений назад; появились жизненно важные вопросы, которые имеют много общего с иерархическими структурами на основе расы, пола, национальности и бюрократического статуса, не только экономических классов; и этот капитализм находится теперь на острых разногласиях с миром природы - все эти и многие другие проблемы, которые находятся в такой страшной потребности последовательного анализа и радикального решения, как правило, в значительной степени ускользают от анархо-синдикалистов, с которыми я столкнулся, то есть, когда они просто косвенно касаются их в метафорическом или экономистской условиях. Что не менее тревожно, так это профсоюзный менталитет у некоторых моих личных анархо-синдикалистских критиков, которые стремятся скрыть тот факт, что сам анархизм исторически появился как ответ на социальные и культурные проблемы, которые гораздо глубже и шире, чем классовая борьба между рабочими и хозяевами. Результатом является то, что сегодня наиболее всесторонние направления анархизма либо проигнорированы, либо просто выписаны из прошлого движения. То, насколько успешно я или кто-либо ещё сможет оспорить этот глубоко укоренившийся синдикалистский менталитет с его претензией к идеологической "гегемонии", находится под вопросом. Но, по крайней мере, суть анархо-синдикализма должна быть разъяснена, и с некоторыми проблемами, которые он представляет, следует побороться. Должна быть предпринята какая-то попытка привлечь во внимание коренные изменения, произошедшие с 1930-х годов и на которые многие анархо-синдикалисты, кажется, не замечают; определённые истины, которые являются частью истории анархизма, в целом должны быть исправлены и изучены; а проблемы, пусть и неприятные, следует обращать и решать как можно больше, или, по крайней мере, обсуждать, не опираясь на устоявшиеся догмы в качестве замены для непосредственности.

Анархизм: Общинный Аспект

Можно спорить о том, является ли анархизм, прежде всего, продуктом относительно современной индивидуалистической идеологии рационализма Просвещения или же изначально незавершённых, но народных попыток противостоять иерархическому господству. На мой взгляд - последнее, что согласно также взглядам Кропоткина. В любом случае, слово "анархист" уже появилось в Английской Революции, когда периодическое издание Кромвеля осудило более радикальных критиков Кромвеля, таких как "взращённые Швейцарией анархисты". Во время Французской Революции поколение, предшествующее Прудону, использовало этот термин для обозначения своих взглядов, роялисты и жирондисты неоднократно использовали слово "анархисты", чтобы напасть на *бешеных*. То, что крестьяне, жившие в эпоху Реформации в Германии в 1520-е годы и восставшие, чтобы защитить свои общинные земли и деревенскую автономию во имя подлинной версии народного христианства, характеризуются как анархисты, как и, впрочем, Толстой, несмотря на его набожную религиозность, должно похоронить любые опровержения факта, что анархистские идеи охватывают народные и массовые движения.

Сомнительно, является ли индивидуализм как таковым обязательным условием анархизма, но анархизм появляется в различные социальные периоды времени, в самых различных формах. Он может быть найден среди племенных народов, которые сопротивлялись появлению государственных учреждений; в народной оппозиции крестьян, крепостных, рабов и йоменов к различным системам правила; в конфликте *бешеных* и радикальных *секционеров* парижского собраний с якобинскими центристами; и

в борьбе пролетариата против капиталистической эксплуатации, что также не отрицает наличия государственных элементов во многих из этих форм народного сопротивления. Прудон, кажется, говорил главным образом от лица ремесленников и появляющихся рабочих классов девятнадцатого века; Бакунин – от лица крестьян и появляющегося промышленного пролетариата; общепризнанные анархо-синдикалисты – от лица фабричных рабочих и сельскохозяйственного пролетариата; Кропоткин – от лица угнетённого народа в целом, в более поздний период времени, когда коммунистическое общество, основанное на принципе "от каждого/каждой - по способности, каждому/каждой - по потребностям" (или "общество пост-дефицита", на моём языке), казалось реально осуществимым.

Нужно подчеркнуть, что я тут не пытаюсь представить строгую схему. Это замечательное наложение развития социальных обстоятельств и идеологий, которые вполне могут объяснить то, что похоже на "беспорядок" в несоизмеримом теле либертарных идей. На мой взгляд, важно подчеркнуть, что анархизм - это, прежде всего, антииерархическая идея, а не просто индивидуалистическая; он направлен на устранение доминирования человека человеком, а не только уничтожение государства и эксплуатации правящими экономическими классами. Более того, анархизм никогда не был преимущественно индивидуалистическим или преимущественно направленным против конкретных форм классового господства, а всегда был самой творческой и побуждающей идеей, когда он был сосредоточен на общину, а не на его экономические компоненты, таких как фабрика и всё, что относится к конфедеративным формам организации, на общину, которая была бы основана на этике взаимопомощи, а не на договорной системе услуг и обязанностей.

На самом же деле, важность общины с анархистской точки зрения не получила полного внимания, которого она заслуживает. Возможно, из-за влияния на анархизм марксистского экономизма, который назначил главную роль на промышленный пролетариат. Этот экономизм, возможно, также был поддержан влиятельными трудами Прудона. Многие анархисты цитируют его сочинения без должного учёта времени и обстоятельств, при которых они были написаны. Сегодня только твердолобый прудонист, например, возможно согласится с убеждениями, выраженные Прудоном в Принципе Федерализма, что "идея анархии ... означает, что политические функции сводятся к промышленным функциям и что общественный порядок складывается только благодаря отношениям, основанных на договоре и обмене" (Прудон, "О федеративном принципе", 1863 г.). Его экономистское толкование анархии, в центре которой находится самостоятельная суверенная личность как договорной носитель товаров и услуг (причём центр он поделил с традиционным либерализмом, в котором он структурировал свои взгляды как вокруг индивидуальных соглашений, так и "общественного договора"), является не самым поучительным из его идей.

То, на что я больше всего обратил внимание во взглядах Прудона, так это его представление о конфедерализме. Лучшее всего он себя проявил, когда предоставил определённые замечания, заявив, что "федеральная система противоположна иерархии или административной и правительственной централизации"; что "сущность" федеральных соглашений состоит в том, чтобы "всегда предоставлять больше полномочий гражданину, чем государству, а муниципальным и провинциальным властям - чем центральной власти"; что "центральная власть" должна быть "незаметно подчинена ... представителям округов или областей, провинциальная власть – представителям районов, и муниципальная власть – своим жителям" (Прудон, "О федеративном принципе", 1863 г.). В 1979 году Эдвард Хайамс, весьма благосклонно оценивший федерализм Прудона, написал в его биографии:

В этом сущность федеративного договора Прудона, что при вступлении в него договаривающихся сторон, которые берут на себя эквивалентные и взаимовыгодные обязательства, каждый берёт на себя больше прав, свободы, власти и собственности, чем он уступает федеральной власти: гражданин остаётся хозяином своего собственного дома, ограничиваясь лишь своим правом на то, что необходимо избегать посягательств на собственность других людей из округа или коммуны. Коммуна – это коллектив людей, самоуправляющийся через собрание граждан или их представителей, но он наделяет определёнными полномочиями окружной орган федеральной власти. Округ, который снова самоуправляется через собрание представителей от объединённых коммун, наделяет полномочиями национальную федерацию округов. Таким образом, федерация округов или областей является конфедерацией, в которую было преобразовано бывшее суверенное государство; и оно, в свою очередь, может вступать в федеративное соглашение с другими такими конфедерациями. (Хайамс, "Пьер-Жозеф Прудон: его революционная жизнь, разум и творчество", 1979 г.).

Безусловно, Хайамс делает тревожный акцент на прудоновском индивидуализме гражданина, который, кажется, находится в напряжённости со своей коммуной, при этом на договорных отношениях как таковых. Хайамс несерьёзно принимает представление Прудона о различных конфедеративных уровнях общества, где каждый "отказывается" от прав, вместо того, чтобы быть структурированным в административные и координационные (в отличие от разработки политики) органы. Тем не менее, аннотация Хайамса к "федеративному договору" Прудона имеет довольно современный оттенок. Собственническая мысль, появляющаяся во многих прудоновских сочинениях, которые вполне могут быть ошибочно приняты за последние версии "рыночного социализма", не так значительна. Здесь я хотел бы подчеркнуть, что Прудон выступает как сторонник прямой демократии и самоуправления собраний на явно гражданском уровне, в форме социальной организации, за которую стоит бороться в эпоху централизации и олигархии.

Прежде чем Михаил Бакунин стал глубоко связан с Международной Ассоциацией Рабочих (IWMA) в 1870-х годах, он тоже поставил очень сильный акцент на общину или муниципалитет в своём видении анархистского общества. В своём сочинении *Революционный Катехизис*, написанном в 1866 году (не путать с трудом Нечаева 1869 года), Бакунин отметил:

Во-первых, каждая организация должна идти снизу вверх от общины к центральному единству, страны к государству, путём федерации. Во-вторых, между общинами и государством должен стоять, по меньшей мере, хоть один автономный посредник: департамент, область или провинция... Основой политической организации страны должна быть, безусловно, автономная община, всегда представляемая большинством голосов всех совершеннолетних жителей, мужчин и женщин на равных правах... Провинция не имеет права быть ничем, кроме свободной федерации автономных общин. (Бакунин, "Революционный Катехизис", 1866 г.)

В конце 1870-х годов Бакунин уже с большей уверенностью обратил внимание на неявное различие между национальным парламентаризмом и местным электорализмом, очевидно одобряя больше последнее, чем первое.

Из-за своих экономических трудностей люди безграмотны и равнодушны, и знают только то, что только их интересует. Они понимают и знают, как вести свои повседневные дела. Вдали от знакомых им проблем они становятся неуверенными и с политической точки

зрения сбитыми с толку. Они находятся в здравом сознании, когда речь идёт о делах общины. Они достаточно хорошо информированы и знают, как выбрать из своей среды наиболее способных должностных лиц. При таких обстоятельствах эффективный контроль вполне возможен, потому что общественные дела ведутся под зоркими глазами граждан, т.к. это непосредственно касается их повседневной жизни. Это то, почему муниципальные выборы всегда лучше отражают реальную позицию и волю народа. Областные и окружные формы правления, даже когда последние избираются прямым голосованием, уже менее представительны для народа. (Бакунин, "Представительное правление и всеобщее избирательное право", 1870 г.)

Для Петра Кропоткина, *"форма, которую должна будет принять социальная революция [это] Свободная Община"* (Кропоткин, "Современная наука и анархизм", 1913 г.). Комментируя бакунинские взгляды, которых Кропоткин придерживался, чтобы быть коммунистом, а не коллективистом, он продолжал добавлять, что федерализм и автономия сами по себе не достаточны. Хотя он критически принял Парижскую Коммуну 1871 года, как "попытку, которая открыла новую эру в истории", в других своих работах он рассматривал это как редкое в значительной степени явление, в котором сама община, состоящая в основном из якобинцев, была отделена от народа. Мало того, что "социализм" должен стать "коммунистическим" в экономическом смысле, он утверждал, что он также будет иметь политическую структуру "самоуправляющихся" общин, или современными словами "партиципативная демократия". О Франции, Испании, Англии и Соединённых Штатах он оптимистично писал: "Мы замечаем в этих странах очевидную тенденцию к образованию групп полностью свободных общин, городов и сёл, которые объединились бы посредством свободной федерации, в целях удовлетворения бесконечных потребностей и достижения определённых непосредственных концов... Будущие революции во Франции и Испании будут коммуналистскими - не центристскими". (Кропоткин, 1913 г.)

В основе этих видений Прудона, Бакунин и Кропоткина лежала коммуналистская этика (мютюэлизм в Прудоне, коллективизм в Бакуине и коммунизм в Кропоткине), которая соответствует чувству гражданского достоинства и обязательства. Рассматривались ли они как взаимодополняющие, но конфедерализм представлял собой консолидирующую силу и источник общинной солидарности, которая выходила за рамки буржуазного самомнения, основанного лишь на личных интересах. Именно это восприятие дало анархизму право утверждать, что он был, прежде всего, этическим социализмом, а не просто научным социализмом, в отличие от акцента Маркса на экономические интересы пролетариата, ведь это действительно был "как таковой интерес". (Кропоткин, статья "Анархизм", 1905 г.).

Анархизм: Синдикалистский Аспект

Историческое противостояние анархистов против угнетения всех классов, будь то крепостные, крестьяне, ремесленники или рабочие, также неизбежно побуждает их противостоять против эксплуатации в формирующейся новой фабричной системе. Гораздо раньше, чем нас часто внушают представить. Синдикализм (по существу, довольно незавершённая, но радикальная форма профсоюзного движения) стал средством, с помощью которого многие анархисты обратились к промышленному рабочему классу 1830-х и 1840-х годов. В девятнадцатом веке социальные контуры того, что можно назвать "пролетарским анархизмом", было очень трудно определить. Были ли крестьяне, особенно безземельные, членами рабочего класса? Могли ли владельцы небольших землевладений к ним относиться? А выходцы из интеллигенции, достаточно

привилегированные инженеры, работники офиса и сферы обслуживания, государственные служащие, специалисты и т.п., кто редко, но всё же считали себя членами пролетариата?

Маркс и Энгельс лично избегали употребления таких терминов, как "рабочие", "трудящиеся" и "работники", хотя они были вполне готовы использовать эти слова в своих популярных работах. Они предпочли охарактеризовать промышленных рабочих "с научной точки зрения" более точным названием - "пролетарии", т.е. люди, которые не могли продавать ничего, кроме своей рабочей силы, и тем более, которые были подлинными производителями прибавочной стоимости на поточных линиях (признак того, что даже марксисты склонны игнорировать эти нюансы). Поскольку европейский пролетариат как класс развился из таких вытесненных доиндустриальных слоёв населения как безземельные крестьяне, которые ушли в города, фабричная система стала их экономическим домом, местом, которое, судя по всему, в отличие от рассеянных поместий и хуторов, "сплотило" их в единое целое. Доведённый до нищеты капиталистическим накоплением и конкуренцией, а также обладающий классовым сознанием пролетариат был непреклонно вынужден схватить капиталистов как "гегемонов" революционного класса за рога, и, в конце концов, свергнуть это буржуазное общество, заложив основы социализма и, в конечном счёте, коммунизма.

Тем не менее, начиная с 1840-ых годов, Маркс в своих исследованиях пытался провести аналогию "главной" роли пролетариата в будущей революции с революционной на первый взгляд ролью буржуазии в феодальном обществе, но последняя сама по себе была исторически ошибочной (см. Букчин, "Послушай, марксист", 1971 г.). Я здесь не намерен критически исследовать этот ошибочный исторический сценарий, который по сей день несёт в себе значительный вес среди многих историков. Достаточно сказать, что это был очень броский тезис, который привлёк не только большое разнообразие социалистов, но также и многих анархистов. Анализ Маркса обеспечил анархистам убедительный аргумент того, почему они должны сосредоточить своё внимание на промышленных рабочих, принять экономистской подход к социальному развитию и выбрать фабрику в качестве модели для будущего общества, позже в частности основанный на некоторой форме контроля "рабочих" и "федеральной" форме индустриальной организации. Но перед анархистами здесь встал целый ряд проблем, даже больше, чем перед марксистами. Как они должны были коснуться мелких фермеров, ремесленников, деклассированных элементов и интеллигенции? Многие из этих социальных классов в прошлом были вполне готовы поддержать либертарную перспективу, причём больше, чем промышленные рабочие, которые после одного или двух поколений производственной дисциплины были склонны принимать фабричную иерархию как нормальный, действительно "естественный" образ жизни. И действительно ли, что промышленные рабочие были столь же "главными" в своей классовой борьбе с "боссами" как испанские крестьяне, многие из которых были легко привлечены к бакунинскому коллективизму, или ремесленники, которые в значительной степени приняли прудоновский мутуализм, или мексиканские чернорабочие индейцы-сапатисты, которые как махновцы на Украине интуитивно придерживались анархического мировоззрения? По мере того, как анархисты пытались смешать свои этические взгляды с марксизмом, они заложили основу для напряжённости, которая позже серьёзно разделит само анархистское движение и приведёт более экономистски ориентированных анархистов к компромиссам, искажающих этическую суть анархизма как общественного движения.

Участие анархистов в Международной Ассоциации Производителей Кабеля и Оборудования только укрепило неопределённую синдикалистскую тенденцию, которая, безусловно, существовала в их движении ещё до появления термина "анархо-синдикализм". Ещё в 1870-х годах, более чем за десятилетие до того, как французские

анархисты провозгласили анархо-синдикализм лучшим и единственным способом достижения либертарного общества, испанские анархисты, на которых повлиял, прежде всего, Бакунин, создали неорганизованное, но в какой-то степени синдикалистское профсоюзное движение, которое объединило в себе видения революционной всеобщей забастовки с восстаниями и приверженность к конфедеративной системе во главе с рабочими (см. Букчин, "Испанские анархисты", 1977 г.). Французский анархо-синдикализм не возник сам на пустом месте: Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ), основанная в 1895 в результате слияния Национальной федерации профсоюзов, Национальной федерации бирж труда и ряда других профсоюзов, охватывает широкий спектр реформистских, революционных, "ярко выраженных" синдикалистских и анархистских взглядов. Анархо-синдикализм не полностью доминировал над взглядами ВКТ, даже в самый её активный период времени – за десять лет до внезапного начала Первой Мировой Войны (см. Стернс, "Революционный синдикализм и французский труд", 1971 г.)

И при этом анархо-синдикализм никогда полностью не воспринимался среди анархистов как ровесник с анархизмом. Многие выдающиеся анархисты критиковали синдикализм за его замкнутость на рабочем классе. На знаменитом Амстердамском конгрессе 1907 года Эррико Малатеста, галантный итальянский анархист, бросил вызов представлению, что анархо-синдикализм должен заменить анархо-коммунизм. Не отрицая вооружённое восстание, Малатеста настаивал, что синдикализм может быть принят только как средство подготовки социальной революции, но не как цель. Причём не самое лучшее средство, и его несовершенство состоит в том, что оно основано на жёсткой классовой концепции общества, которое проигнорировало тот факт, что интересы рабочих изменились до того, что "рабочие порой находятся экономически и нравственно гораздо ближе к буржуазии, чем к пролетариату". ... Революционные синдикалисты, с точки зрения Малатесты, искали иллюзорную экономическую солидарность вместо реальной моральной солидарности; они поставили интересы одного класса выше истинного идеала анархистской революции, которая стремилась к "полному освобождению всего человечества, в настоящее время поработённого с трёх точек зрения: с экономической, политической и нравственной". (Вудкок, "Анархизм: история либертарных идей и движений", 1962 г.)

Этот отрывок затрагивает все проблемы анархо-синдикализма, не только "чистого синдикализма". Анархо-синдикалисты начали идеологически медленно сменять объекты внимания анархо-коммунизма с коммуны на профсоюзы, с гуманистической этики взаимности на экономистскую интерпретацию социального конфликта, с оппозиции к обобщённому представлению о доминировании на партикулярные классовые интересы пролетариата.

Это не означает, что анархисты должны были игнорировать профсоюзы, экономические проблемы и классовые конфликты. Но анархо-синдикалисты всё больше и больше вытесняли коммунальный, этический, универсалистский и антивластный характер анархизма как широкое видение свободы во всех сферах жизни с их собственным узким видением проблем. В конечном счёте, тенденция к ограничению анархизма по экономистскому и классовому признакам чрезвычайно сузила его сферу деятельности к профсоюзному менталитету. Как Малатеста сам предупреждал: "По своей природе профсоюзы являются реформистскими, но не революционными". Более того: реальные и непосредственные интересы организованных рабочих, которых профсоюзы призваны защищать, очень часто противоречат их [революционным] идеалам и перспективным задачам; и профсоюз может действовать революционным путём, только если он пронизан духом самопожертвования *до такой степени, что идеалу даёт приоритет над интересом*, то есть только тогда, когда профсоюз перестаёт быть экономической и

становится политической и идеалистической группой. (Малатеста, статья в газете *Umanità Nova*, 1922 г.)

Страхи Малатеста, по сути, впоследствии оправдались с удвоенной силой. Справедливости ради надо отметить, что производительность анархо-синдикалистского движения было одной из самых мрачных за двухвековую историю современного анархизма. Несколько примеров может быть достаточно, чтобы показать то, что стало общим несчастьем, которое обременило самозванных либертарных профсоюзов. Во время мексиканской революции лидеры анархо-синдикалистской организации *Casa del Obrero Mundial* бесстыдно разместили свои пролетарские "Красные Батальоны" на службе Карранса, одного из самых вопиющих головорезов революции, чтобы бороться против революционного ополчения Эмилиано Сапаты – и всё это, чтобы осуществить несколько реформ, которые Карранса отменил, как только сапатисты окончательно перестали сотрудничать с "Красными Батальонами". Великий мексиканский анархист Рикардо Флорес Магон справедливо осудил их поведение как предательство (Магон, "Влияния анархистов на мексиканскую революцию", 1977 г.).

Современным американским анархо-синдикалистам, которые состоят или хотят вступить в профсоюзную организацию ИРМ (Индустриальные рабочие мира, также известны как "Вобблис") нужно иметь в виду, что это синдикалистское движение, которое отнюдь не стремится к анархизму, как и многие другие в другом месте. "Большой Билл" Хейвуд, его самый известный лидер, никогда не был анархистом. И после того, как он был освобождён под залог и бежал в Москву, не столкнувшись с судебными трудностями, что шокировало его сторонников "Вобблис", он, в конце концов, перешёл в коммунистический Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), как некомфортно он, возможно, не чувствовал себя там. Тем не менее, другие "Вобблис", такие как Элизабет Герли Флинн, Уильям З. Фостер, Боб Майнор и Эрл Браудер, которые либо были анархистами, либо были склонны к анархизму, нашли уютный дом в Американской Коммунистической Партии (и в 1940-х годах, и после). Многие "Вобблис", которые принимали участие в заседаниях Коминтерна, вскоре стали избегать Эмму Голдман и Александра Беркмана в Москве, несмотря на их близкую дружбу с двумя анархистами в добольшеvistский период, как с горечью засвидетельствовала Голдман (Голдман, "Проживая мою жизнь", 1931 г.).

Синдикалистский профсоюз Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ), на который обращали больше внимания анархисты со всего мира на рубеже веков, сам никогда не был анархо-синдикалистским. Многие французские анархисты, что и говорить, стекались в эту очень хрупкую конфедерацию и пытались повлиять на её членов своими либертарными идеями. Члены ВКТ, как и многие её лидеры, хоть и не стремились к реформистским целям, но, в конце концов, присоединились к коммунистическому движению после большевистской революции. Возможно, влияние анархистов на ВКТ и было, но в лучшем случае оно было небольшим, к тому же Питер Стернс говорит нам: "Одна забастовка закончилась, когда директор заявил об анархии на территории". Парижские канавокопатели считали, что он обвинил их в том, что они были анархистами". Далее:

Известно, что даже в Париже среди активных членов профсоюза убежденных синдикалистов было незначительное меньшинство. И даже меньшинство более легковозбудимых рабочих состояли в профсоюзах; в Париже в 1908 году, то есть, в пиковый период агитации неквалифицированных строителей [которые были наиболее вероятными кандидатами в сторонники анархо-синдикалистского настроения – М.Б.], только 40% принадлежали профсоюзу. Некоторые из них выразили негодование и были против того, чтобы их называли анархистами, предлагая стойкое недоверие радикальным учениям, даже среди активных

забастовщиков. (Стернс, "Революционный синдикализм и французский труд", 1971 г.)

Также стоит упомянуть испанскую НКТ, в которой к 1938 году состояли самые боевые и социально сознательные представители рабочего класса в истории рабочего движения и отличавшаяся анархистским настроением больше, чем какой-либо другой синдикалистский профсоюз. Но всё же эта экстраординарная конфедерация имела тенденцию неоднократно двигаться в сторону "чистого и простого" профсоюзного движения в Барселоне, рабочий класс которого переходил в социалистический Всеобщий Союз Трудящихся (ВСТ). Каталонская буржуазия показала даже немного либеральности и изощрённости, имея дело с пролетариатом этой области. Федерация Анархистов Иберии (ФАИ) была основана в 1927 году, с целью предотвратить влияние на НКТ представителей умеренного крыла анархо-синдикализма, таких как классовый коллаборационист Сальвадор Сеги и "трентисты", которые сразу же стали выступать против воинственности ФАИ и повстанческих профсоюзов НКТ. Эта умеренная тенденция появилась перед началом гражданской войны.

Было множество сложных вопросов в отношениях между каталонским государством и синдикалистской НКТ, которая почти полностью присоединила к себе ФАИ в 1930 году (что сокращённо этот сплочённый союз часто называли как "НКТ-ФАИ"). Но её анархо-синдикалистское руководство после восстания в июле 1936 года фактически не приложило никаких усилий, чтобы коллективизировать экономику. Примечательно, что "ни одна левая организация не призвала к революционному захвату заводов, рабочих мест или земли", как отметил Рональд Фрейзер.

Действительно, руководство НКТ в Барселоне, эпицентре городского анархо-синдикализма, пошло ещё дальше: отклоняя предложение власти, представленной ему президентом [Луисом] Компанисом, оно постановило, что либертарная революция должна остаться в стороне для сотрудничества с силами Народного фронта, чтобы победить общего врага. Революция, которая в течение нескольких дней преобразовала Барселону в город, который фактически управлялся рабочим классом, произошла от отдельных профсоюзов НКТ, подарившая ей самых передовых бойцов; и поскольку их пример распространился, это были не только крупные, но также небольшие предприятия и мастерские. (Фрейзер, "Народный опыт войны и революции 1936-1938 годов", 1984 г.)

Интерпретация Фрейзера подтверждена Гастоном Левалем, одним из самых выдающихся анархистов в испанском либертарном движении – его "Коллективы в Испанской революции" (1975 г.), как правило, рассматривается как наиболее всесторонняя работа по коллективам. Леваль подчёркивает важность обычных неизвестных анархистских бойцов, которых было меньшинство в НКТ и которые создавали настоящую и наиболее радикальную движущую силу для коллективизации. "Очевидно", отмечает Леваль, что произошедшая тогда социальная революция не произошла от решения ведущих организаций НКТ или от лозунгов, начатых бойцами и агитаторами, которые были в центре внимания общественности, но которые редко соответствовали ожиданиям.

Леваль не уточняет, каких знаменитостей он здесь имеет в виду, но продолжает:

Естественно, это произошло спонтанно, но (и давайте избегать демагогии) не потому что "народ" в целом вдруг стал способен творить чудеса благодаря революционным видением, которое вдруг вдохновило их, а потому что это стоит повторять, среди тех людей было многочисленное меньшинство, которое было активным, сильным, вдохновлённым идеалом, который продолжает жить на

протяжении многих лет борьбы, начавшейся во времена Бакунина и Первого Интернационала; во многих местах можно было встретить мужчин, комбатантов (борцов за революцию), которые в течение десятилетий преследовали конструктивные цели, способные к творческой инициативе и практическому восприятию, которые были необходимы для адаптации к местным условиям и чей дух инноваций представляет собой мощное воздействие, способные придумывать убедительные решения в нужное время. (Леваль, "Коллективы в Испанской революции", 1975 г.)

Для испанского анархистского движения эти "комбатанты" были невосполнимой утратой, потому что они были одними из первых добровольцев, согласных пойти на службу в 1936 году и на гибель на фронтах гражданской войны.

Чтобы лучше разобраться и критически оценить различные виды коллективов или систем "рабочего контроля", возникшие после уличных боёв в Барселоне, потребовалась бы книга на целый том больше, чем *Коллективы* Леваля. Леваль, анархо-синдикалистские достижения которого безупречны, честно говоря, сделал следующее наблюдение:

Слишком часто в Барселоне и Валенсии рабочие какого-либо предприятия брали на себя завод, фабрику или мастерскую, машины, сырьё, и, пользуясь продолжением денежной системы и капиталистических рыночных отношений, основанных на производстве за *свой собственный счёт*, продавали продукты своего труда для *собственной выгоды*. (Леваль, "Коллективы в Испанской революции", 1975 г.)

Указ каталонского правительства октября 1936 года "легализовал" эти коллективы с одобрением НКТ и открыл дверь правительству, которое могло участвовать в контроле различных "рабочих" комитетов и которое национализировало предприятия. Но даже прежде, чем этот процесс был закончен, Леваль признаёт, что был "неокапитализм рабочих, самоуправление, колеблющееся между капитализмом и социализмом, который мы поддерживаем, не произошли бы, если бы произошла Революция, способная расширить себя полностью под руководством наших Синдикатов" (Леваль, "Коллективы в Испанской революции", 1975 г.).

Довольно спорно, можно ли было избежать крайне централизованной экономической тенденции в НКТ, хоть и синдикалистской, с помощью частичной или полной "национализации" (то есть, контроля НКТ) коллективизированных заводов и предприятий. В тех случаях, когда НКТ фактически достигала синдикалистского контроля, "профсоюз становился похож на крупную фирму", отмечает Фрейзер в своей замечательной устной истории гражданской войны, "*Кровь Испании*". "Его структура становилась всё более жёсткой". Как отмечает Эдуардо Понс Прадес, член Либертарной молодёжи: "Со стороны он стал выглядеть как американский или немецкий трест", и он тогда продолжает заявлять, что в коллективах рабочие чувствовали, что они не были особенно вовлечены в принятие решений. Если "персонал, занимающийся координацией и планированием" решал, что производство в двух мастерских должно быть переключено, рабочим не сообщали о причинах. Нехватка информации, которую можно было бы легко устранить раздачей листовок, например, порождала недовольства, тем более, что обсуждение и изучение всего входят в обязанности НКТ. Делегаты, у которых встречи проходили раз в две недели, стали собираться раз в месяц, а потом и вовсе раз в три месяца. (цитаты Понс Прадо у Фрейзера, 1979 г.)

То, что испанские рабочие и крестьяне в середине тридцатых годов совершили социальные изменения и двинулись к социальному положению промышленной и

сельскохозяйственной демократии, является беспрецедентным в истории прошлых революций, но это (в то время, когда легитимность "пролетарского социализма", казалось, будет гарантирована веком поднимающихся рабочей воинственности и классового сознания) не решает проблем, связанных с перспективой будущего общества, построенного вокруг профсоюзов и определённого классового интереса. Конечно, чтобы сделать анархо-синдикализм *эквивалентом* анархизма, он должен быть решительно оспорен. На самом деле, это ни в коем случае не является делом сугубо исторического интереса, чтобы спросить, жива ли тенденция в анархистской традиции или мертва – проблема, с которой любой склоняющийся к синдикалистским вариантам анархизма сталкивается особенно сегодня ввиду прагматической природы его доктрины и ориентации. И если она мертва среди пролетариев, мы обязаны спросить *почему*. Поскольку, когда мы изучаем возможности, недостатки и историю анархо-синдикализма, мы исследуем то, как мы *определяем* сам анархизм: могут ли его идеалы быть основаны на интересах очень партикуляристской части общества, в основном управляемой ограниченными экономическими интересами (проблема, которую ясно осознавал Малатеста), или на этическом социализме или коммунизме, который включает, но выходит за рамки материальных интересов угнетённого человечества. Если мы не можем рассматривать анархо-синдикализм как жизнеспособное направление, мы должны попытаться определить, *что* в существующем обществе действительно предлагает некоторый путь к свободному сообществу кооперативных людей, которые по-прежнему сохраняют свою автономию и индивидуальность в ориентированном на массовое производство мире.

Рабочие и Граждане

Что, в конце концов, анархо-синдикалисты подразумевали под "пролетариатом", кроме тех, кто был готов включить "аграрных рабочих" в профсоюзы (такие как ВКТ, которые не были готовы, и НКТ, которые в значительной степени пренебрегали в конце 1920-ых и в начале 1930-ых годов)?

Я предположил, что понятие было определено, главным образом, в соответствии с марксизмом, хотя и без более подробного как у Маркса экономического анализа. Оно всецело включало ключевые понятия, на которые опиралась теория "исторического материализма" Маркса, особенно понятие экономики как "основы" общественной жизни и привилегированность промышленных рабочих как исторически "главного" класса. Имея хорошую репутацию, несиндикалистские анархисты, которые дружественно одобрили синдикализм под моральным давлением, были склонны в то же самое время сопротивляться этому тревожному упрощению социальных вопросов и сил. Накануне гражданской войны в Испании НКТ состояла в основном из промышленных рабочих (что, по сути, противоречит представлению Эрика Хобсбаума об анархистах как "простых бунтовщиках"). К тому времени она уже потеряла большую часть аграриев, ушедших в испанские социалистические сельские профсоюзы, за исключением нескольких цитаделей в Андалусии и Арагоне (см. Малефакис, "Аграрная реформа и крестьянская революция в Испании", 1970 г.). Представление Джеральда Бренана об испанском анархизме как крестьянском движении в конце 1930-х годов, хотя всё ещё весьма популярно, но во многом ошибочно. Это типичное андалузское представление об анархо-синдикализме, который поспособствовал ограниченному взгляду на движение (Бренан, "Испанский Лабиринт", 1943 г.). Фактически, сдвиг влево Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) в 1930 году можно объяснить в значительной степени вступлением тысяч андалузских поденщиков в управляемые социалистами профсоюзы, даже если они сохранили анархические порывы предыдущего поколения (Букчин, "Испанские анархисты", 1977 г.).

Несмотря на "нравственный характер", которую анархисты задали НКТ, чрезвычайно экономистский акцент ведущих деятелей НКТ, или "cenetistas", таких как Диего Абад де Сантильян со своей работой "*После революции*", показывает, до какой степени синдикализм впитал анархизм в его образе нового общества, невольно объединяющегося марксистскими методами борьбы, организационной идеей и рациональным понятием труда с явной приверженностью анархизма к "либертарному коммунизму" (см. цитаты в Букчина, "Испанские анархисты", 1977 г.). Представление НКТ о "национализации" производства часто принимало чрезвычайно централизованную форму производства, мало чем отличаясь от марксистского понятия "национализированной" экономики. На удивление она мало отличалась от государственнической формы экономического планирования, которое медленно разрушало контроль рабочих на фабричном уровне. Их усилия привели к серьёзным конфронтациям между более анархическими "моралистами" и синдикалистскими "реалистами", либертарные взгляды которых часто служили налётом для узкого менталитета члена профсоюза (см. Фрейзер, Хосе Пейратс).

На самом деле, НКТ становилась всё бюрократичнее после безмятежных дней 1936 года, пока её лозунг "либертарный коммунизм" просто не отразил её анархические идеалы предыдущих десятилетий (Пейратс, "Анархисты в Испанской революции", 1964 г.). К 1937 году, особенно после майского восстания, профсоюз был анархо-синдикалистским только по названию. Власти Мадрида и Каталонии приняли большинство промышленных коллективов, оставив только внешний вид контроля рабочих в большинстве отраслей промышленности. Революции действительно пришёл конец. Её арестовали и подорвали не только коммунисты, правые социалисты и либералы, но и "реалисты" в самой НКТ.

Как же происходят столь радикальные изменения за такой короткий период времени в анархо-синдикалистской организации, в которой было столько пролетариата? Как так получается, что явно либертарное движение, которое, по признанию самого Фредерика Монтсени, могло бы остановить продвижение франкистов при помощи одной только либертарной тактики – т.е. сохранение ополченцев, коллективизация промышленности и сельского хозяйства, а также решительная защита революционных завоеваний в городах и сельской местности от непоколебимой коммунистической стратегии контрреволюция - не смогло сделать этого? И не смогло в такой трагической, унижительной и морально разлагающейся форме. Военные победы Франко и страх, который они внушили, не в полной мере объясняют это поражение. Исторически так сложилось, что ни одна революция никогда не происходила без гражданской войны, и вообще не было очевидно, что Франко получал эффективную военную поддержку со стороны Германии и Италии вплоть до 1937 года. Даже если внешние обстоятельства обрекли революцию, чтобы победить, как Леваль и Абад де Сантильян, кажется, вначале верили, анархо-синдикалистское движение, казалось бы, тогда просто не могло проиграть, если оно позволило барселонскому восстанию мая 1937 года наверстать упущенное после революции и в военном отношении противостояли своим врагам на территории республики. Почему рабочие, которые, по сути, подняли баррикады в Барселоне во время той роковой недели, подчинились своим лидерам и позволили себе сдать оружие?

Эти вопросы приводят к главной проблеме: ограничения движения, которое даёт преимущество *любому* классу как "гегемону" в рамках капиталистической системы. Такие вопросы, как какой слой общества, класс или созвездие групп в обществе, сегодня составляют "предмет" исторических перемен, которые выходят на передний план дискуссий почти во всех радикальных движениях - с возможным исключением анархо-синдикалистов, с которыми я столкнулся. В Испании, что и говорить, самые ярые анархисты пошли на фронт в первые месяцы гражданской войны и понесли большие

потери, которые, вероятно, способствовали значительному снижению "нравственного характера" движения после 1936 года. Но даже если эти анархистские бойцы остались позади, весьма сомнительно, что они могли бы в значительной степени преодолеть профсоюзный менталитет синдикалистов и инерционных сил, которые сформировали менталитет самого рабочего класса.

Что приводит нас к тому, что, на мой взгляд, является одним из основных источников искажения в представлении о диктатуре пролетариата? Индустриальный рабочий класс, конечно же, может участвовать в классовой борьбе и проявлять значительную социальную воинственность за все те угнетения и эксплуатацию, которым он подвергается. Но такое редко бывает, чтобы классовая борьба переросла в классовую войну или социальная воинственность разгоралась в социальную революцию. Вводящая в заблуждение тенденция марксистов и анархо-синдикалистов выдавать борьбу за войну и воинственность за революцию преследует радикальные теории и практику на протяжении более века, но в особенности в эпоху "пролетарского социализма", преимущественно с 1848 по 1939 года, которые привели к мифу о "диктатуре пролетариата". Как Франц Боркенау утверждает, легче пробудить националистические настроения в рабочем классе, чем чувства международной классовой солидарности, особенно в периоды войн, как обе мировые войны двадцатого столетия так ярко показывают (Боркенау, "Мировой коммунизм", 1962 г.). Учитывая то, что марксисты и анархо-синдикалисты оправдывают постоянные "предательства" неспособностью пролетариата создать новое общество, можно задаться вопросом, действительно ли эти "предательства" являются доказательствами системного фактора, делающего *сущность* "пролетариата" бессмысленной и непонятной, но марксисты и анархо-синдикалисты в целом отдают привилегию рабочему классу во имя "диктатуры пролетариата".

Недостаток в разъяснении понятия "диктатуры пролетариата" сыграл исторически важную роль для рабочих, которые действительно поднимали баррикады в Париже в июне 1848 года, в Петрограде - в 1905 и 1917 годах, и в Испании - в период между 1870 и 1936 годами. Эти "пролетарии" были чаще всего ремесленниками, для которых фабричная система была культурно новым явлением. Многие другие имели непосредственно крестьянское происхождение и были удалены от сельского образа жизни только на одно или два поколения. Среди этих "пролетариев" производственная дисциплина также как и заточение в фабричных зданиях создаёт очень тревожно культурные и морально напряжённые отношения. Они жили в силовом поле между доиндустриальным, сезонно детерминированным, весьма ненапряжённым ремеслом или аграрным образом жизни, с одной стороны, и заводом или системой мастерских, где люди проходят через огромные нагрузки и крайне рационализированную эксплуатацию, бесчеловечно работающей техникой, подобным баракам миром перенаселённых городов и исключительно жёсткими условиями труда, с другой стороны. Поэтому вовсе не удивительно, что такой рабочий класс был чрезвычайно зажигательным и что беспорядки рабочих могли легко перерасти в восстание.

Маркс рассматривал пролетариат как "всегда увеличивающийся по своей численности класс, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства". Что касается классовой борьбы: "Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьёт час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют" (Маркс, "Капитал", т. 1, стр. 766, 1906 г). Учитывая свои меняющиеся альтернативы в управлении индустриальной системой, анархо-синдикалисты разделяют эту концепцию о судьбе капитализма и роли пролетариата не меньше, чем марксисты. В Испании этот во многом

экономистской подход, принимающий во внимание единство, которое фабричная система налагает на рабочих, оказался фатальным. В находящихся под влиянием НКТ сферах деятельности рабочие действительно "экспроприировали" экономику, хоть и разнообразно и в различных формах, которые варьировались от "неокапиталистических" до крайне "социализированных" (или централизованных) форм. Но "рабочий контроль", независимо от его формы, не привёл к созданию "нового общества". Основная идея, что, управляя значительной частью экономики, анархо-синдикалистское движение существенно управляло бы обществом (довольно упрощённая версия исторического материализма Маркса) оказалось мифом. Каталонское государство, в частности, прежде чем оно, наконец, перешло в наступление, чтобы полностью ликвидировать "социализированный" рабочий контроль, оказало влияние на каталонскую финансовую и маркетинговую систему и просто внесло своих представителей в рабочие комитеты и конфедеративные органы, в конечном итоге реконфигурируя индустриальные коллективы в действующие национализированные предприятия (см. Леваль, "Коллективы в Испанской революции", 1975 г.).

По мере того, как наёмный труд и капитал экономически противостоят друг другу, их борьба (что весьма реально в действительности) обычно происходит в пределах вполне буржуазной системе взглядов, как Малатеста предвидел несколько поколений назад. Борьба рабочих с капиталистами - по сути, конфликт между двумя взаимосвязанными между собой интересами, поддерживаемыми капиталистическими узами договорных отношений, в которых оба класса участвуют. Это, как правило, противопоставляет более высокую заработную плату более высокой прибыли, меньшую эксплуатацию - большей эксплуатации, а также лучшие условия труда - более ухудшенным условиям труда. Эти явно договорные конфликты создают различия в социальном положении, а не в происхождении. Они являются коренным образом договорными, а не социальными различиями.

Именно потому, что промышленный пролетариат является "классом, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства", как говорил Маркс, он также более склонен к рационализированным системам контроля и иерархическим системам организации, чем докапиталистические слои общества, которые исторически стали пролетариатом. Прежде, чем этот пролетариат интегрировался в фабричную систему, он организовал восстания во Франции, Испании, России, Италии и других относительно непромышленно развитых странах, которые являются теперь таким образом легендарными в радикальных книгах по истории. Фабричные иерархии со своими сложными структурами управленческого контроля часто переносились даже в явно анархо-синдикалистские профсоюзы, где рабочие были необычайно уязвимы перед "работодателями" всех видов - проблема, которая по-прежнему изводит рабочее движение и в наши дни.

Поскольку анархо-синдикалисты и доктринёрские марксисты так часто характеризуют взгляды, выдвинутые в этой статье как "антипролетарские" или "выступающие против рабочего класса", позвольте мне ещё раз как следует подчеркнуть, что я не отрицаю важность поддержки анархистских идеалов со стороны рабочего класса. И при этом я не осуждаю выдающиеся достижения испанских рабочих и крестьян в революции 1936 года, многие из которых были несравнимы с любой предыдущей революцией. Но это было бы верхом самообмана, жертвами которого стали не только анархисты, но и не менее заинтересованные представители других радикальных взглядов, чтобы игнорировать основные ограничения, которые также отметили испанскую революцию - ограничения, которые, если смотреть в ретроспективе, теперь должны сообщить анархистской теории и практике. Действительно, многие испанские анархисты различными способами серьёзно

подвергли сомнению причастность своего движения с синдикализмом, даже после того, как они уступили вполне понятно синдикалистской версии "политкорректности", которая ещё пол века назад казалась важной.

К счастью, испанский анархизм (как анархистское движение где-то в другом месте) не полностью был сосредоточен на заводе как классическом местообитании либертарной деятельности. Довольно часто на протяжении последнего столетия и в период гражданской войны деревни, города и районы больших городов, а также популярные культурные центры, были главными местами анархистских действий. В этих, по сути, гражданских полях сражения, где женщины не меньше, чем мужчины, крестьяне не меньше, чем рабочие, пожилые люди не меньше, чем молодёжь, интеллигенты не меньше, чем рабочие, деклассированные элементы не меньше, чем определяемые члены угнетённых классов – короче говоря, широкий спектр людей, обеспокоенных не только своими видами притеснений, но и различными идеалами социальной справедливости и коммунальной свободы - привлечённые анархистскими пропагандистами и оказалась весьма восприимчивыми к либертарным идеям. Социальные проблемы этих людей часто переступали строго пролетарские проблемы и были не обязательно сосредоточены на синдикалистских формах организации. Их организации, по сути, были основаны в самих сообществах, в которых они жили.

Мы только сейчас начинаем понимать, как я уже подчёркивал в своих трудах на протяжении многих лет и как Мануэль Кастельс опытным путём показал, насколько многие радикальные движения рабочих были в основном *гражданскими* явлениями, основанными в определённых районах Парижа, Петрограда и Барселоны, а также в малых городах и деревнях, которые сформировали поля сражения не только для классовых волнений, но и гражданских или коммунальных волнений. В таких средах угнетённые и недовольные люди действовали в ответ на проблемы, с которыми они столкнулись не только как экономические существа, но и как коммунальные существа. Их окрестности, города и деревни, в свою очередь, составляли жизненно важные источники поддержки их борьбы против широкого спектра притеснений, которые были более легко обобщены в широкие общественные движения, область интересов которых была шире, чем проблема их магазинов и фабрик. Это не было на фабрике или одной только мастерской, которую радикальные *ценности* и широкие социальные идеалы обычно кормили, но также и в общественных центрах одного того или иного рода, даже в зданиях муниципалитета, как ясно демонстрирует история Парижской Коммуны 1871 года. Массовая мобилизация против царского гнёта была не только на фабриках Петрограда, но в Выборгском районе города в целом.

Аналогичным образом испанская революция зародилась не только на текстильных фабриках Барселоны, но и в других районах города, где рабочие (и не только) строили баррикады, доставали оружие, оповещали своих товарищей об опасностях вооружённого восстания, снабжали жителей продовольствием, наблюдали за возможными контрреволюционерами и старались удовлетворить потребности инвалидов и пожилых людей в пределах большого современного города и морского порта. Гастон Леваль посвящает целый раздел своей книги под названием "Города и Изолированные Достижения", гражданской форме "социализации", которую, по его словам, мы назовём муниципалистской (или коммуналистской). Он говорит, что она имеет свои корни в оставшихся в живых испанских традициях... Это характеризуется ведущей ролью города, коммуны, муниципалитета, то есть, господством местной организации, которая охватывает город в целом. (Леваль, "Коллективы в Испанской революции", 1975 г.).

Такого рода анархистские организации отнюдь не уникальны для Испании. Скорее, это часть большей анархистской традиции, которую я описал выше, и она получила, я должен подчеркнуть, сравнительно маленькое признание с момента появления синдикализма. Идеи анархизма, по сути, не были хорошо поданы формами синдикализма, который сместил центр внимания с коммуны на фабрику и с моральных ценностей на экономические ценности. В прошлом, то, что дало анархизму его "нравственный характер", и то, чему "практикующие" активисты в профсоюзах и в цехах так часто сопротивлялись, было его заинтересованностью коммунизмом, структурированным вокруг гражданских конфедераций и требований о свободе *как таковой*, а не просто об экономической демократии в виде рабочего контроля. Предсиндикалистские формы анархизма занимались правами *людей*, интересами которых пролетариат не пренебрегал, что и говорить, но объединял в обобщённый социальный интерес, который охватил широкий диапазон потребностей, интересов и проблем. В конечном счёте, эти потребности, интересы и проблемы могут быть решены только в коммуне, а не в его части, такой как завод, мастерская или ферма.

Рассматривая свободное общество как нечто неиерархичное, так и бесклассовое, анархисты надеялись, что конкретные интересы уступят коммунальным и региональным интересам, более того, *отмене интереса как такового*, оставив все проблемы общества и конфедеративной области на *общую* повестку дня. Эта повестка дня должна была столкнуть людей лицом к лицу с демократией. Рабочие, продовольственные культиваторы, технические и другие специалисты, более того, все люди, которые отныне не считают себя членами конкретных классов, профессиональных и статусных групп; они должны были стать гражданами сообщества, занятого решением не отдельных партикуляристских конфликтующих интересов, а в целом общечеловеческих проблем.

Именно этот вид нравственного видения нового общества, что придаёт современному анархизму релевантность, что никакая другая форма коммунистического или социалистического движения не продвинулась в последнее время. Его концепция эмансипации и сообщества говорит о *трансклассовых* проблемах гендерного, возрастного, этнического и иерархического видов угнетения - проблемы, масштабы которых выходят за пределы распада находящейся во власти определённого класса экономики и которые решаются по-настоящему этическим обществом, в котором гармонизация человека с человеком приводит также к гармонизации человечества с миром природы. Всё, что меньше, чем это видение, я полагаю, будет лишать человечество возможности функционировать как рациональный, творческий и освободительный агент в социальной и естественной истории. Эту широкую концепцию я сформулировал во многих книгах и эссе, в которых я принимаю во внимание конструктивное видение анархии: всечеловеческое, конфедеративное, экологически ориентированное и коммунистическое общество, которое живёт по принципу прямой демократии.

Увековечить исторические изменения анархизма от этической формы социализма (в наиболее общем смысле) до анархо-синдикализма (крайне экономистская форма социализма, чаще всего основанного на фабричной структуре) было бы, на мой взгляд, довольно регрессивно. Многие из синдикалистских тенденций в Испании и в других местах, где верили в либертарное коммунистическое общество, не смущались заимствовать методы и безнравственные формы поведения у самой капиталистической экономики. Экономистской менталитет так называемых "практикующих" и "реалистов", которые предположительно знали, как манипулировать рабочими и навязать свои прагматические интересы, принёс более аморальный, даже безнравственный характер в руководство НКТ. Этот характер, кажется, всё ещё задерживается в истощающемся анархо-синдикализме 1990-х годов. Игнорирование детальных идей, упрощённое видение

социальных изменений, а иногда абсолютистские претензии к поверхностям анархистского наследия, по моему опыту, с частотой, которая делает анархо-синдикализм крайне нетерпимым, если не сомнительным движением.

Никто, в особенности я, не хотел бы препятствовать тому, чтобы анархисты шли на фабрики, разделяя проблемы рабочих, и, надо надеяться, привлекая их к либертарным идеалам. На самом деле, было бы полезно, если бы многие из них следовали своим прагматически ориентированным идеям, участвуя в жизни пролетариев, которых они склонны гипостазировать. То, чему я бросаю вызов, является показательным утверждением, что анархо-синдикализм представляет совокупность всех мыслей и деятельности анархистов, что это "единственная" идеология, которая "может установить связь анархических идей с рабочими", что она проповедует доктрину "диктатуры пролетариата", несмотря на постоянные неудачи значительных, даже массовых синдикалистских движений и непоколебимых искажений синдикалистской истории. Пролетариат не является "большой частью населения", как считал Гельмут Рюдигер. Действительно, в результате изменений в производственной и организационной формах современного капитализма сегодня фабричный пролетариат решительно численно уменьшается, и в будущем рабочих ждут массовые увольнения на заводах. Конечно, сегодня Испания, как и остальная часть западного мира, имеет очень мало сходства с тем, чем было в начале двадцатого века - даже с тем, что я лично видел в Испании четверть века назад. Стремительные технологические революции и крупные культурные изменения, в результате которых прежде обладающие классовым сознанием рабочие теперь идентифицируют себя со "средним классом", превратили анархо-синдикализм в призрак былого. До такой степени, что этот призрак утверждает, что составляет совокупность всего анархизма, но он совершенно не в состоянии справиться с социальными вопросами, которые были скрытыми даже в прошлые времена, когда приверженность "пролетарскому социализму" была отличительной чертой радикальных движений.

На самом деле, рабочие всегда были больше, чем простые пролетарии. Рабочие были настолько обеспокоены фабричными проблемами, на сколько они являлись бы родителями, которые заботятся о будущем своих детей, мужчинами и женщинами, которые обеспокоены своим достоинством, самостоятельностью и развитием как человеческих существ, соседями, которые заботятся о своей общине, и чуткими людьми, которые связаны с социальной справедливостью, гражданские правами и свободой. Сегодня, в дополнение к этим очень неэкономическим вопросам, у них есть все основания, чтобы испытывать беспокойство по поводу экологических проблем, прав меньшинств и женщин, своей собственной потери политической, социальной власти и развития централизованного государства – в общем, проблем, которые не относятся к определённому классу и которые не могут быть решены в стенах заводов. Несомненно, эти вопросы должны представить анархистам особый интерес, чтобы помочь рабочим полностью осознать не только свои проблемы экономического класса, но и более глубокие проблемы, волнующих потенциальных граждан свободного и экологического общества. "Гуманизация" рабочего класса, как и любой другой части населения, в огромной степени зависит от способности рабочих покончить со своей "рабочестью" и продвинуть себя за пределы классового сознания и классового интереса к сознанию сообщества как свободных граждан, которые в будущем могут создать этическое, рациональное и экологическое общество.

Столь "практичный" и "реалистичный", как может казаться на первый взгляд, анархо-синдикализм представляет, по моему мнению, архаичную идеологию, внедрённую в узко экономистское понятие буржуазных интересов, действительно секториальных интересов

как таковых. Он опирается на сохранение таких социальных сил, как фабричная система и традиционное классовое сознание промышленного пролетариата, которое полностью исчезает в евро-американском мире в эпоху неопределимых общественных отношений и всё более расширяющихся социальных проблем. Проблемы и движения с более широкими взглядами находятся теперь на горизонте современного общества, которое нуждается в более важной перспективе, по сравнению с заводом, профсоюзом и пролетарской ориентацией.

— 6 ноября, 1992 год

http://dwardmac.pitzer.edu/Anarchist_Archives/bookchin/ghost2.html